

Татьяна Янковская

НОВЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

Анна Гринберг считает, что ее дар свалился на нее внезапно – она начала писать песни четыре года назад, вскоре после 9/11. На самом деле, судьба ее к этому готовила, и когда посчитала – пора! – подарила первую песню. А за ней, как из рога изобилия, посыпались другие. Творческим людям это понятно: ведь лучшее, что создает художник, приходит само – и тогда пальцы тянутся к перу, перо к бумаге, или к кисти, клавиатуре, кинокамере... Об этом писал Фет: «Не знаю сам, что буду петь, но только песня зреет».

С детства Аня говорила не прозой, как другие, а стихами, хотя стихов не писала. Обожала читать пьесы. Еще подростком прочла всего Шекспира и Лопе де Вега, которого особенно полюбила. Когда уже в эмиграции Анна обучала группу детей, заодно со своим младшим, русскому языку, она ставила с ними пьесы и инсценировки, в которых дети с удовольствием распевали написанные ею песни на стихи русских классиков. Написала для них даже оперу «Сказка о попе и о работнике его Балде».

Гринберг исполняет свои песни (их уже около двухсот), аккомпанируя себе на киборде. Часто, удивляясь профессионализму ее исполнения (по специальности Анна программист), люди спрашивают, где она училась. «Окончила музыкальную школу, как все» – отвечает она. Но «все» не обладают такой свободой в обращении с инструментом, умением делать аранжировки – благо, киборд позволяет обходиться без живого оркестра. Помимо некоторой технической виртуозности, он требует также умения обращаться с современной техникой и хотя бы интуитивного понимания контрапункта. Все это тоже накапливалось постепенно. Уже взрослой, живя в Нью-Джерси, Аня брала частные уроки музыки, чтобы сыграть на фортепьяно те вещи Моцарта и Шопена, до которых не доросла в школе. И не просто «для себя», как другие: когда программа была готова, выступала на домашних концертах. После появления первых песен занималась с педагогом по вокалу, что отшлифовало ее сильный, грудной, свободно льющийся голос. И начала петь перед публикой, когда предоставлялась возможность. Слушаешь песни Анны Гринберг – и стряхиваешь бремя забот, удаляешься от мирской суеты, отдыхаешь душой.

Если вам среди тяжелых будней,
Когда жизнь противнее и нудней,
Голос мой даст отдохнуть от стужи –
Ничего другого мне не нужно.

(«Моим поклонникам»)

Число поклонников растет, но не так быстро, как можно было бы ожидать, потому что она оказалась между жанрами. Это типично для всего нового и хорошо говорит об авторе, которому важнее написать, чем вписаться, создать что-то свое, каким бы это «свое» ни было, чем следовать чужой колеей устоявшихся направлений. С чисто практической точки зрения нахождение своей ниши важно,

так как это облегчает доступ к аудитории. Но разложить Анины песни по полочкам трудно. Бардовская традиция, авангард русской авторской песни, подразумевает, прежде всего, высокий поэтический уровень. Анины песни ближе к КСП, самодельной песне – более массовой основе авторского жанра, где важны настроение, задушевность, близость личного опыта к опыту аудитории. Но от большинства авторов КСП ее отличает более профессиональный уровень исполнения, то, что она поет не под гитару, и тематика. У нее напрочь отсутствует традиционная книжная и туристская романтика. В авторском жанре у нее, при всем различии, есть родство с Вертинским. Его песни на собственные тексты не являются шедеврами поэзии, но они так искренни и человечны (а в музыкальном отношении считаются многими одной из вершин в авторской песне), что производят неизгладимое впечатление на слушателей. Однако Гринберг принадлежит к другому поколению. После мощного взрыва песенных и популярных жанров, которые, начиная с 50-х годов, просачивались в Россию с Запада через прорехи в железном занавесе и потоком хлынули с началом перестройки – рок, джаз, «Битлз», диско, музыка Латинской Америки и островная, американские фолкс и кантри и т.д., и т.п. – песня уже не могла оставаться прежней. В ее творчестве прослеживается также и традиция старинного русского и городского романса, и близость к народным песням, русским и еврейским. Так, «Ой, как хочется сыночка мне женить» вызывает в памяти известную песню на идиш «Ди мезинке ойсгегебен».

Не миновало Гринберг и влияние эстрадной песни. Но для советской эстрады характерна большая «сделанность» и текста, и мелодии, некая подгонка под стандарт, пафос оптимизма («особой страной оптимистов-профессионалов» назвала СССР Катя Яровая), самоцензура. Острые углы срезались, порой в ущерб содержанию, тогда как в авторской песне главное – самовыражение, иногда в ущерб профессиональной технике. У Анны огрехи стихосложения искупаются отсутствием штампов. Точная рифма приносится порой в жертву точности выражения эмоции. И в этом Гринберг ближе к традициям авторской и народной песни, даже шансона. В то же время ее песни – это и не русский шансон, популярный в последние годы жанр, родственник блатняку по тематике и по стилю, даже в сентиментальных лирических песнях. Песни Гринберг – это, скорее, французский шансон на русский лад.

В последние годы начался ренессанс советских эстрадных песен, удачно окрещенных «старые песни о главном». Их поет молодое поколение исполнителей, они популярны и по-прежнему нужны людям. Песни Анны Гринберг – это новые песни о главном. Они чрезвычайно разнообразны, хоть и написаны одним автором, и каждый может найти среди них такие, которые хочется слушать, напевать, смеяться, грустить, танцевать под них, как наши родители танцевали под песни Шульженко, Пьехи, Кристалинской и других. Они – прекрасные спутники в дальней поездке, застолье, раздумьях наедине с собой. Ее оптимизм беспяфосный, это – оптимизм мудрости, присущий сильному человеку, умеющему справляться с трудностями.

Поэтому, наверно, ее так хорошо принимают в Израиле, куда она ездит по крайней мере два раза в год – и опять же не так, как другие: несколько лет назад Анна вместе с друзьями стала инициатором благотворительных концертов и сбора

денег среди русских эмигрантов в Америке в пользу нуждающихся семей в Израиле, пострадавших от террора, большинство из которых – недавние эмигранты. Она и до этого участвовала в сборе средств в синагоге в Фэр Лоуне, но, заметив, что наши эмигранты практически не вовлечены, решила взять инициативу на себя. Концерты с участием северо-американских авторов КСП, музыкантов и художников регулярно проходят в Нью-Джерси и в Бостоне, где эстафету приняли Ольга и Арон Футер. От Американской Ассоциации AAJFSU, членом которой Аня является, она получает адреса людей, раненных или потерявших своих близких во время терактов, и приносит им деньги, собранные в Америке¹. А если киборд при ней, то и поет для них. В Израиле у нее были сольные концерты и несколько интервью на радио, где также звучат ее песни.

Какое все это имеет отношение к качеству песен? Никакого. Но самое прямое – к тому, как эти песни воздействуют на окружающих. Потому что написаны они человеком, остро чувствующим жизнь и готовым откликнуться на горе, радости и заботы окружающих, близких и далеких. Это человек, который никогда не остается в стороне.

Когда-то нас избрали. Спасибо, Моисей.
И с той поры в ответе перед планетой всей...
И где бы ни жила я, в какой бы стороне,
Израиль, кусочек сердца, всегда стучит во мне.

Аня Гринберг – человек высокой энергии и яркой индивидуальности. В ее песнях рассыпаны крупинки своей, не заимствованной житейской мудрости, точные наблюдения, заразительная радость, самоирония. Все легко узнаваемо и при этом глубоко самобытно. Ничего нарочитого, напоказ. Ее песни не поражают, а располагают, притягивают – доброжелательностью, легкой усмешкой, доверительной интонацией. Они разглаживают морщины на лице и на душе.

Что-то прежнее во мне еще осталось,
Но не те уже у сивки горки —
Так, к другим сильнее стала жалость,
А к себе — насмешка, как подпорка.

Ее песни – как мысли вслух, как разговор с подругой, с любимым человеком, с детьми, соседкой, бабушкой, только в рифму и под музыку. Так проявилась ее былая привычка говорить стихами. А способность перевоплощаться идет от любви к драматургии. У нее есть песни, написанные от имени комнатного цветка и колючего куста, незадачливого поклонника, вынужденного «тащиться в Бруклин, как дурак», бедолаги, страдающего с похмелья, женщины, которая решила проучить своего дружка-донжуана. Есть и глубоко лирические песни.

Я расправлю тонкие крылья,
И ветра порыв ухвачу...

---

¹ В 2006 году газета «Форвертс» удостоила Анну Гринберг звания «Человек года» за благотворительную деятельность.

Мы когда-то вместе парили,
А теперь я одна лечу.

От прозрачных крыльев нет тени,
Солнца луч их пронзает насквозь.
Мы когда-то вместе летели,
А теперь полетели врозь.

Гринберг пишет песни и на чужие стихи, как своих современников, так и известных поэтов, например, Бродского, Фета, Гете. Писать музыку на стихи классиков не новость, но отношение к этому у многих скептическое. Кажется, сам Бродский не очень одобрял это занятие. Тут мне хочется возразить, исходя из намерения самого Бродского издавать небольшие сборники стихов великих поэтов и продавать их в супермаркетах, чтобы познакомить широкую публику с шедеврами поэзии. Этот проект не был и не мог быть осуществлен в силу своей утопичности, а вот популяризация большой поэзии через авторскую песню работает, и весьма плодотворно. Думаю, никто, услышавший песню Гринберг «Багатель №1», уже не забудет такие узнаваемые, могущие принадлежать только Бродскому строки:

Вечер липнет к лопаткам, грызя на ходу козинак,
сокращает красавиц до профилей в ихних камнях;
от великой любви остается лишь равенства знак
костенеть в перекладинах голых садовых скамеек.

Авторская песня продолжает эволюционировать. Раньше пели, в основном, сами авторы, теперь стало гораздо больше профессиональных исполнителей, что само по себе свидетельствует о том, что этот жанр становится классикой. Глен Гульд считал, что когда в XVIII веке исполнители и композиторы разделились, это означало конец музыки. По его мнению, композиторы обогащают исполнение своим проникновением в музыку. Отдавая дань эксцентричности Гульда, нельзя не согласиться, что такое разделение в отношении авторской песни свидетельствует о наступлении нового этапа в ее развитии.

При советской власти существовали четыре основных ветви песенного жанра, пара разрешенных – эстрадные и народные – и пара неподцензурных, существующих полужулиально: авторская песня и блатняк. Интересно, что в начале движения авторской песни в 1950-е годы, оно частично отталкивалось от эстетики своей единственной неподцензурной предшественницы – блатной песни. Таковы, например, ранние песни Высоцкого, Алешковского и других. (Старый жанр городского романса, примыкающий к блатному, тоже оказал влияние на авторскую песню.) Теперь песенных жанров в России гораздо больше, причем многие новые направления изначально считают себя вторичными по отношению к западной поп-культуре, как бы восполняющими прежние пробелы. Например, русский рок, русский шансон, русский рэп. В художественной, творческой основе своей они вобрали в себя опыт неофициальной советской культуры, то есть, авторской песни, а в случае шансона – и блатняка. Ефрем Амирамов в песне «Новая музыка» так

говорит о появлении этого жанра: «Группа диссидентов шоу-бизнеса/ Вдруг сошлась под кличку «шансон».

Гринберг тоже в каком-то смысле диссидент существующих жанров. И она не одинока. Многие новые авторы, выросшие на ниве авторской песни, пишут и поют сегодня иначе и движутся в разных направлениях, даже если многие из них, кто со скрипом, а кто с распростертыми объятиями, принимаются на слетах и тусовках КСП. Близость к поп-музыке была заметна еще у Макаревича и Ивасей. Шаов – гибрид барда с эстрадным исполнителем. Пародийность стиля Псоя Короленко сближает его с театром одного актера, автором комических реприз. Луферов насквозь экспериментален и при этом фольклорен, и близок не только к авторам КСП, но и к американцу Тому Уэйтсу (один использует, к примеру, косу как музыкальный инструмент, другой пилу). Кстати, Уэйтс совершенно не поддается классификации. Он уникален, и в этом его сила и притягательность. Его творчество – это вавилонское столпотворение жанров.

У Тимура Шаова есть песня о критике, недовольном его отступничеством от традиций КСП, тем, что не пишет «про палатку и костер, про то, как нам не страшен дождик хмурый». «Все остальное – ревизионизм» – заявляет критик. Так кто же они, эти отпочковавшиеся от древа авторской песни новые авторы? Диссиденты и ревизионисты? Или провозвестники новых направлений? Хорошо сказала Вероника Долина: «поэт – у древа времени отросток», «садовник... чужой и тощей почвы освоитель». На то и дается художнику талант, чтобы выразить в творчестве свое время и возделывать почву, на которой вырастут невиданные цветы. На этом пути и рождается новое, то, к чему трудно приклеить старый ярлык. У Гринберг свой, импровизационный стиль, причем, скорее текста, чем музыки. Она пишет свои стихи без правил, то есть, по своим собственным правилам. Так работают художники-примитивисты. Большие поэты, отступая от канона, создают новый канон. Те, кто послабее, прибегают к штампам. Ни то ни другое к Гринберг неприложимо. Можно было бы, поработав над ее текстами, пригладить их, сделать более совершенными по форме, но тогда погаснет их яркое своеобразие, спонтанность. Отчасти ее песни можно сравнить с любимым в Америке традиционным кантри, для которого характерны мелодическое разнообразие, природный, как правило, необработанный исполнительский талант, а тексты сильны не техникой стихосложения, а словами, идущими от сердца. Кстати, легендарные Пэтси Клайн и Лоретта Линн тоже выплескивались за рамки своего жанра. Каждая из них по-своему преобразила его.

В общем, если смотреть на современную русскую авторскую песню как развивающийся жанр, то очевидно, что есть в этой широкой панораме свое место и у Анны Гринберг. Точнее – свой путь. А судьями пусть будут слушатели. В Израиле начало уже положено, надеюсь, что и русскоязычная Америка, и Россия познакомятся с ее творчеством. Хочется пожелать ей успеха.

*октябрь, 2005 г.,
Нью-Йорк*

Опубликовано в газетах «Секрет» № 602, 13 ноября 2005 г., Израиль и «Форвертс» № 525, 16-22 декабря 2005 г., США